

Социологические прогулки по кладбищу

- Я боюсь.
- А ты не бойся!
- Я умру...
- Не беспокойся!

*Из современной
детской считалочки*

Пожалуй, нет более жизнеутверждающего места, чем кладбище. Правда-правда. Вид чужих могил и «концентрация смерти» утверждает в мысли, что ты-то еще «здесь»! Это пространство удивительно и замечательно во многих отношениях, и оно может быть самым разным в зависимости от настроения и желаний посетителей — привлекательным или отталкивающим, грустным или веселым, интригующим или очевидным, романтическим или пугающим... Оно многолико хотя бы потому, что, помимо основного своего предназначения, может выступать в качестве места для философических прогулок, испытаний на храбрость или романтических свиданий. И конечно же, оно может быть объектом различных социальных исследований. И если философы, этнографы или культурологи иногда все-таки используют кладбище как плацдарм для своих исследовательских изысканий, то столь любознательные и циничные социологи почему-то не часто заглядывают туда с исследовательскими целями. Хотя, казалось бы, чем кладбище не то самое «публичное пространство», где вырабатываются и воспроизводятся некие нормы социальной жизни? Или отчего бы не рассмотреть его как место семейной интеграции или даже (вос-)производства семьи, ибо когда еще в нашей автономной и вполне самодостаточной жизни можно увидеть такое скопление родственников, почувствовать единение семьи, как не в день похорон на кладбище? Даже свадьбы теперь не имеют той объединяющей силы. Да и мало ли о чем еще может поведать социологу столь интригующее и мифологизированное пространство, где поведение человека жестко регламентировано различными правилами...

Очевидно, «нелюбопытство» социальных исследователей к этой сфере жизнедеятельности (смешно употреблять здесь такое слово, но и не употреблять его также было бы нелепо...) объясняется общим от-

ношением к смерти в современном обществе. Само по себе появление господина Гробового неудивительно и отражает наше все еще мистическое отношение к «загробному миру», страх смерти. Каннети писал, что практически во всех культурах существуют представления о том, что мертвые зачастую «недовольны» и «полны зависти» по отношению к живым, они периодически пытаются «мстить» или, на крайний случай, «перетащить к себе» (Канетти, 1997). Однако Б. Марков полагает, что «в настоящее время люди относятся к смерти иначе, чем раньше, и это выражается в ее практическом изгнании и замалчивании» (Марков, 1999: 78). И хотя человек никогда не перестает думать о смерти — эти мысли фактически сопровождают всю его сознательную жизнь — говорить об этом вслух не принято. В отношении смерти проявляется еще большее ханжество, нежели, скажем, в отношении того же секса. И это очевидно хотя бы по тому, что для разговоров о сексе уже появился свой «приличный» и общепринятый язык. В отношении же смерти такого языка практически нет. Относительно «нейтральный» медико-биологический дискурс никак не может преодолеть квазирелигиозный, и по-прежнему остаются мистифицированные «*тут*» и «*там*» или же различные эвфемизмы («усопшие», «иной мир» и пр.). Например, наша информантка из деревни в Новгородской области рассказывала: «*Моя мама уже лет пятнадцать как ушедши...*». А я-то, дура, никак не могла понять — куда и зачем она «ушедши». Фактически, ничего не зная о смерти, мы представляем ее как «остановку конвейера потребления и наслаждения» и боимся лишь ее «культурного образа» (Марков, 1999:79), который сами же создаем и воспроизводим.

Так или иначе, живые регулярно вступают с мертвыми в некие социальные отношения — устраивают похороны, ритуализируя переход в «мир иной», посещают кладбища и обустривают могилы. Немедленно на память приходит анекдот:

Похоронная процессия входит на кладбище через широкие ворота с аркой. На арке написано: «Помним. Любим. Скорбим». Зашли, донесли, поплакали, закопали. Пошли к выходу. Выход через те же ворота с аркой. На внутренней стороне арки написано: «Помним. Любим. Ждем».

По мнению Леонида Ионина, «отношения мертвых и живых — это отношения современников, членов одного и того же общества». В таких отношениях «существует экономика и политика. <...> Экономика базируется на необходимости уделять мертвым часть общественного

богатства. Политика — умение живых посредством магии добиваться желаемого от мертвых». В этой связи социолог не может ограничивать свои исследования обществом живых. (Ионин, 1997: 366—369). Возможно, одна из глобальных задач современных социальных наук — реконструировать культурные образы смерти, понять механизмы взаимодействия мертвых и живых, проанализировать дискурсы, обслуживающие феномен, или исследовать вовлеченных агентов и индустрию, сопровождающих и обслуживающих смерть человека. Однако сейчас моя задача не столь глобальна, я лишь попытаюсь посмотреть на возможные исследовательские фокусы и перспективы *некросоциологии*, как красиво и многообещающе назвал ее Леонид Ионин (Ионин, 1997).

Предлагаю, не беспокоясь о смерти, как нам советует детская считалочка, вместе прогуляться по кладбищу, «включив» этнографическую наблюдательность, антропологическую чувствительность и социологическое воображение (даже не знаю, что из этой «троицы» важнее...).

Мертвый как «Другой»

В поисках публикаций о кладбищах, в большинстве своем я находила лишь философские тексты, которые предлагали очень красивые и отчасти метафизические определения, например, следующее: «Кладбище — это место последних прощаний/прощений, но и встреч. Тоже последних. В горизонте вечности <...>. Особое архетипичное пространство жизни человеческой <...> Место накопления-собирания последних тайн, замыкания биографий, переключки эпитафий <...> Метафизическая развязка/развилка, перекрестья жизни и смерти, их взаимоотерпение и взаимопривыкания. Это место и время, вместилище человеческого, слишком человеческого...» (Демичев, 1995:16). Мне, как социологу и ползучему эмпирику, хочется обратиться к кладбищу именно как к вместилищу «слишком человеческого».

Пожалуй, можно выделить две наиболее распространенные характеристики кладбищ. Одну из них неожиданно для себя я встретила несколько лет назад, когда печальный повод привел меня в морг. Включив механизмы психологической защиты, я попыталась быть социологом и в этой ситуации. Стены заведения украшали рекламные стенды, представляющие городские кладбища. Один из них обещал, что их кладбище — «самое уютное в нашем городе». Нелепость этой характеристики ничуть не смущала присутствующих. Для кого оно уютно и, вообще, что это значит в данном контексте?! Агент похоронного бюро тут же стал объяснять, что это место действительно замечательно. Вскользь упомянув, что земля там довольно сухая, и покойного можно будет

хоронить «не в воду», он очень подробно и «вкусно» живописал, что кладбище расположено в сосновом лесу, там тихо и спокойно, можно даже гулять. То есть это была не только и не столько забота об «успехе», сколько обо мне. Покойнику предлагали лишь «сухую могилу», а «большой комфорт» и «уют» продавался именно мне. В одном из интервью, данных для популярного в Петербурге сайта ритуальных услуг «Реквием.ру», директор Ковалевского кладбища рассказывает: *«Нам удалось последнее время значительно благоустроить наше кладбище. Мы прокладываем между участками бетонные дороги, провели водопровод, теперь краны есть почти на всех перекрестках. Построили туалет»* (www.requiem.ru). Таким образом, совершенно очевидно, что ныне кладбище — это не столько пространство для мертвых, каковыми были, скажем, египетские пирамиды, сколько для живых — комфорт и удобства ориентированы прежде всего на посетителей, ибо зачем мертвым бетонные дорожки и туалет?!

Вторая характеристика кладбища, отражающая, на мой взгляд, наши взаимоотношения с миром мертвых, также связана с присутствием в этом пространстве живых. Как-то я случайно услышала следующее высказывание о некоем кладбище: *«Вполне такое живое кладбище. Там до сих пор хоронят! И вообще много людей бывает»*. Неожиданно я поймала себя на том, что сама воспроизвожу такие же номинации. Недавно, будучи в Абхазии, близ Гагры, мы с моими коллегами побывали на заброшенном грузинском кладбище. Уже более десяти лет там не было посетителей, приходящих «навещать» и помянуть родных и друзей. Очевидно, что лишь туристы или же «любители острых ощущений» случайно забредают туда. Вид заброшенных и заросших могил вызвал одновременно ощущение тоски и какой-то зачарованности, заколдованности и нереальности этого места, места «за пределами нормальной и обычной жизни». Интересно, что обитаемые кладбища обычно не вызывают таких ощущений. Позднее, пересказывая кому-то свои впечатления, я назвала это место «мертвым кладбищем». «Мертвое» или «неживое» кладбище оказалось пространством исключительно для мертвых, живые почти оставили его в покое, превратив это место в «заброшенный парк». Итак, ныне кладбища — это пространства живых, которые выделили «специально отведенные места» для общения с мертвыми, тем самым оградили и отделили себя от них: «Лишив кладбища его функции, мы сами превратились бы в место для мертвых, которые приходят к нам в ночных кошмарах» (Марков, 1999: 82).

Все практики, сопровождающие и обслуживающие смерть, достаточно жестко регламентированы. В такое регулирование вовлечены и

официальные законы и правила, и так называемое обыденное право. Смерть человека, помимо медицинских свидетельств, требует и государственного «утверждения», ибо государство взяло на себя функции регистрации самого факта смерти человека. Оно оформляет специальные бумаги, вычеркивая бывшего своего гражданина из всех реестров (налогоплательщиков/зарегистрированных в браке/прописанных по адресу... и далее по списку), и лишь затем выдает официальное разрешение на захоронение. Более того, в России действует Федеральный закон «О похоронном деле», регулирующий саму практику захоронений.

Не менее строги и обыденные правила, регулирующие содержание, форму и последовательность действий в скорбной сфере смерти. Практика отработана до малейших шажков — «всем известно», что за чем и как следует делать: как организовать похороны и поминки, как обустроить могилу, как и когда посещать кладбище и пр. Здесь допустимы лишь небольшие отклонения (чаще всего «по форме») от общих правил, и лишь немногие осмеливаются нарушить отработанный до мелочей, регламентированный и ритуализированный процесс. При этом редко кто знает, почему следует поступать именно так, а не иначе. Как правило, все действуют по уже готовой схеме. Безусловно, похоронные ритуалы во многом канализируют наши страдания, тем самым облегчая их. Однако, я полагаю, они несут в себе еще и другие смыслы. Строгое соблюдение давно устоявшихся и ритуализированных правил в отношении умерших — есть процесс жесткого и «надежного» отграничения, отделения «их» от «себя». Такие ритуалы — современные техники производства «Другого». Мы отделяем «Другого» — мертвого, — выделяя ему особые пространства, вынося его за скобки нашей обыденной жизни. Леонид Ионин писал о том, что живые в отношении мертвых осуществляют определенную политику, и эта политика — «умение живых посредством магии добиваться желаемого от мертвых» (Ионин, 1997:367). Очевидно, ныне добиваться взаимности со стороны мертвых с помощью магии не столь действенно и актуально. Тем не менее, политика в отношении другой социальной группы, на мой взгляд, все-таки существуют, и это скорее политика отграничения: мы выполняем все надлежащие правила, тем самым производим необходимую границу, устанавливаем новый режим взаимоотношений. И хотя очевидно, что силы «не равны» и группы находятся в определенных иерархизированных отношениях, тем не менее, следует признать существование некоторого «давления» со стороны мертвых. Так или иначе, мы же уделяем «им» внимание и выполняем «их» требования, пусть и придуманные нами же самими.

Зеркало социального

На мой взгляд, кладбище может поведать нам не столько о взаимоотношениях или «диалоге с мертвыми» (Ионин, 1997:361), сколько о мире живых — о нашей жизни и о нашем обществе. Для социолога кладбище не только место встречи с разными мемориальными культурами (связанными, как правило, с доминирующей религией), сколько «зеркало социального», отражающее существующие социальные отношения.

Всякий раз, приезжая куда-либо на новое место, я непременно стараюсь побывать на кладбище, и удивительно — они очень сильно отличаются друг от друга, даже будучи «одинаково православными». Наиболее заметны отличия городских и сельских кладбищ. В кубанской станции на кладбище нас с коллегами повела хозяйка дома, где мы снимали жилье — тетя Зоя. Она тщательно готовила наш поход: заранее сбегала наскоро прополоть траву на могиле своего мужа, купила колбасу и «маленькую», захватила с собой фотографии мужа, чтобы проиллюстрировать «рассказ в интерьере». Это кладбище поразило меня какой-то своей коммунальностью, что ли. Там не было строгой заданности и геометричности в организации пространства, так как не было явных дорожек и высоких оградок, отделяющих могилы друг от друга. Казалось, что они расположены беспорядочно и хаотично, одна могила переходит в другую, и лишь разные памятники и кресты маркируют персональные пространства. Тем не менее, тетя Зоя очень неплохо ориентировалась на местности. Она какими-то своими заветными тропинками (которые, на мой взгляд, и тропинками назвать-то было нельзя), привела нас к «своему холмику». При этом попутно успевала рассказать, кто где лежит и что за человек был «усопший». У тети Зои там похоронены два мужа — один «настоящий», а другой «был после, недолго». Между этими двумя могилами, которые и навещает наша квартирная хозяйка, затесалась другая, «чужая». Тем не менее, тетя Зоя ухаживает и за ней. Она при нас тщательно убрала и прополола три могилы, на каждой оставила по бутерброду с колбасой и налила водки в припрятанные тут же рюмочки. Интересно, что для нас посу-ду она принесла с собой — у мертвых есть «своя». Наша проводница особым образом обустроила кладбищенское пространство, установив между могилами столик и скамейку, что делало возможным не только комфортное общение (и с живыми спутниками, и с покойными), но и организацию «пикников». После положенных минут скорби, небольшой трапезы и рассказов, мы обошли почти все кладбище. Тетя Зоя показала нам могилы крестного и подруг, а также «богатые» памятники и места захоронения «цыган». Рассказала, что у живущих в станции

турок-месхетинцев есть свое, отдельное кладбище. Казалось, что наш проводник «обегает» всю свою деревню, навещая близких и знакомых. При этом она в таких рассказах поведала нам гораздо больше о жизни в станице, ее социальном устройстве, нежели в вечерних разговорах (или, хуже того, в неудачном интервью). Кладбище оказалось «правильным контекстом» для обсуждения социальной жизни станицы и, что более важно, очень иллюстративным, отражающим локальные социальные отношения.

Кладбище небольшого провинциального городка выглядит несколько иначе. Я бывала на нескольких таких кладбищах, и они мне казались похожими одно на другое. Тут уже нет той «коммунальности» и «перемешанности», «открытости» и «прозрачности» могил, которое я наблюдала на сельских кладбищах. И несмотря на то, что само пространство так же организовано не слишком строго, ибо дорожек и тропинок, направляющих и организующих передвижение и структурирующих «кварталы» могил, немного, здесь уже можно заметить очевидные «персональные пространства». Так, в г. Кяхта, расположенном на границе России и Монголии, меня удивила высота оградок, иногда доходившая мне до плеч. При этом дверцы в таких оградках были не всегда заметны. Очевидно, о них знают лишь «посвященные», они существуют только для них. Не менее категоричное огораживание, маркирование своего индивидуального пространства, я наблюдала на кладбищах в Эстонии. Однако там почти нет высоких железных заборов, могилы, как правило, отделены от остального пространства «растительной» оградой — кустами или деревьями. Такое огораживание формирует выделенные, персональные пространства «усопших», отражающие, на мой взгляд, и процессы «личностного формулирования», и большую автономность, характерную для городов. Забавно, что здесь, как и в мире живых, есть конкурентная борьба за пространство: если не существует строгих правил и ограничений, «владельцы» или, скажем, «ответственные» за могилы, пытаются расширить выделенные участки с перспективными целями создать «семейную усыпальницу» или же просто благоустроить и возделывать участок «побольше». Я полагаю, что отчасти именно поэтому разрушается предполагаемая строгость и стройность рядов кладбищенских участков, и во многом создаются ощущения «беспорядка» и «хаоса».

В современных мегаполисах такого огораживания почти не бывает — дефицит пространства диктует свои правила. В Петербурге я бывала на двух действующих кладбищах — Северном и Южном. Недавние захоронения выглядят чрезвычайно уныло и однообразно,

почти как наши микрорайоны. Такие кладбища представляют собой огромные, пустые, то есть без какой бы то ни было растительности, «густонаселенные» пространства, где могилы расположены очень близко друг от друга и фактически никак не отделены. Большая строгость в организации пространства вызвана именно этой густонаселенностью. Для того, чтобы могилы могли быть найдены и идентифицированы, как и во всяком городе, здесь уже существует четкая система «адресов». Кстати, на кладбищах крупных городов гораздо реже встретишь скамейки, не говоря о столиках. То есть во многом это «проходное» пространство, здесь неудобно задерживаться надолго, что вполне органично для сумасшедших ритмов большого города. Единственная форма, позволяющая внести разнообразие и маркировать «личностные пространства» могил — установка памятников, что даже сейчас нечасто встретишь на сельских кладбищах.

Несмотря на тесноту, такие кладбища, безусловно, являются анонимизированными пространствами. Здесь нет той близости, «знания о соседях», и, соответственно, социального контроля, который можно наблюдать в небольших населенных пунктах, где «все было известно» о человеке при его жизни и его «судьба» отслеживается и после смерти. Моя мама, всю жизнь прожившая в небольших городках, ныне, переехав в Петербурге, заводит себе друзей среди своих новых соседей. Для меня выглядит забавным то, что она при этом точно так же «обживает» и «осваивает» пространство на петербургских кладбищах. Навещая могилы своих родственников и друзей, она заводит себе там и других «подопечных», похороненных поблизости. Из всего разнообразия, представленного вокруг, для своей опеки или «дружбы» она отбирает людей (их могилы) по каким-то значимым для нее критериям, которыми руководствуется, выбирая и новых друзей среди живых. Например, навещая могилу своей матери, она заодно убирает и оставляет хлеб и конфеты на могиле близ похороненного «еврея», коего «вычислила» по фамилии: *«Наша бабушка и при жизни с ними дружила. Может они там тоже будут дружить. Да я и сама сейчас с ними активно общаюсь, пусть уж!»*.

Кладбище, организация его пространства и практики, связанные с ним, могут поведать нам и о существующей *социальной структуре*. В ситуации кризиса исследований социальной структуры, когда, как оказалось, прежде значимые маркеры социальной принадлежности уже не работают, а сама социальная структура очень подвижна, социологи активно пытаются найти новые подходы в подобных исследованиях. Так, предлагается исследовать образ жизни, культурные инсценировки,

практики потребления и прочее. На мой взгляд, исследование кладбищ может стать одним из возможных и «работающих» подходов к исследованию современной социальной структуры. Мемориальная культура, несмотря на свою, казалось бы, консервативность, чутко улавливает, отражает все социальные изменения. Так, раньше в православной культуре существовали строгие правила по «сортировке» людей на кладбище — кого где следует похоронить, согласно его социальному статусу при жизни. При этом значимыми, структурирующими пространство элементами выступали церковь и ограда кладбища. Теперь так же можно говорить об иерархизированном отношении к умершим: есть «престижные» кладбища или участки, где хоронят высокостатусных, «знаменитых» людей; есть места «социальных захоронений», где хоронят *«так называемых безродных»* (из интервью с директором Ковалевского кладбища, www.requiem.ru). Исследование принципов «расселения» на кладбище может помочь в понимании критериев социального расслоения и, более широко, социального структурирования общества. Кроме того, представляется, полезным и, возможно, эвристичным изучение памятников, но отнюдь не как произведений искусства, а как артефактов, несущих в себе некие послания о социальном статусе человека. Кто из нас не цеплялся взглядом за различные надгробия и памятники, повествующие о бывшей профессии человека, его благосостоянии или о том, кто же его так любил и любит — от имени кого так украшено это место. На Северном кладбище, например, есть памятник разбившемуся летчику в виде самолетного пропеллера, и все проходящие мимо знают — «он был летчиком...». Другой памятник привлекает не меньшее внимание, при этом он замечателен не столько своими огромными размерами, сколько картинкой, на которой умерший изображен на фоне березок и своего мерседеса, а в руках держит мобильный телефон — очевидно для поддержания коммуникации и после смерти. Собственно говоря, это некая квинтэссенция, яркие символы его социального статуса и положения при жизни. Наше дело лишь «дорисовать», «закончить» этот образ. Памятники могут визуализировать идентичности человека, которые, зачастую, тщетно и безуспешно пытаются отыскать и зафиксировать социологи. Кроме того, я полагаю, что разнообразие надгробий и памятников может продемонстрировать определенные социальные тенденции в социальной структуре, а также процессы индивидуализации и персонификации в современных обществах. Так, похоронные агентства и ритуальные службы предлагают все большее количество самых разнообразных памятников: «Мы гарантируем изготовление **ЭКСКЛЮЗИВНЫХ** памятников в соответствии

требованиям мирового уровня. Мы обеспечиваем клиентам **индивидуальный** подход» (www.art-galateya.ru). Здесь центральными категориями выступают *эсклюзивность* и *индивидуальность*, что, безусловно, демонстрирует востребованность и значимость этих качеств на рынке символических ценностей.

И еще об одном потенциальном исследовательском направлении в некросоциологии мне хотелось бы поразмышлять — о роли и значении кладбищ в современном институте семьи. Как я уже писала выше, зачастую кладбища выступают местом или контекстом семейной интеграции. Места захоронения довольно часто представляют собой «семейные усыпальницы», где в пределах общей могилы, отгороженной от остального пространства, похоронены члены одной семьи. Кстати, можно проанализировать состав такой «мертвой семьи». Чаще всего, в одной могиле лежат супруги или не успевшие вырасти и повзрослеть дети. То есть в качестве «реальной» семьи, которую объединяет могильная оградка, выступают лишь «прямые родственники», а всякие возможные ответвления (скажем, братья/сестры или племянники и пр.), как правило, не включены в ее состав, оказываются за ее пределами. Более того, ныне такие «семейные склепы» чаще всего ограничены одним поколением, то есть нет той «расширенной» семьи или семейной преемственности и неразрывности семейных поколений. Безусловно, во многом такое «семейное дробление» вызвано современными условиями, когда бывает очень сложно получить разрешение на подхоронение или невозможно расширить пространство могилы. Тем не менее, я полагаю, что отход от подобных практик «(вос)производства семьи в пределах одной могилы» отражает социальные трансформации самого института семьи, когда значительно изменяются представления и о ее составе, и о зонах и сферах взаимной ответственности, и так далее.

Возможно, даже более важным и интересным для понимания феномена современной семьи является анализ практик организации похорон, а также посещений и ухода за могилами. И здесь основными исследовательскими вопросами могут стать: кто же берет на себя эту ответственность, кто в семье исполняет роль «проводника» и «ретранслятора» семейной памяти, воспроизводства семейной преемственности и пр., как вообще это происходит? Я помню, как несколько лет назад мне пришлось хоронить близкого человека — мою бабушку. Удивительно, что несмотря на всю мою предыдущую самостоятельную жизнь (а я уже много лет жила отдельно от родителей, имела собственный бюджет и пр.), только в этот момент я была признана моими родственниками, активно вовлеченными и воспроизводящими семейные сети и отноше-

ния, «взрослой». Более того, я была вынуждена стать в большей степени «членом семьи», нежели ранее. Произошла некая смена поколений, так как «самым старшим» и, соответственно, требующим большей заботы и опеки, теперь стало поколение моих родителей. В такой ситуации именно мне была делегирована обязанность организовывать похороны, оставив старшим лишь право на скорбь. Таким образом, в рамках семьи была пересмотрена и перераспределена ответственность, ныне уже я «отвечаю» за старших, и я принимаю многие внутрисемейные решения. Для меня организация похорон стала чем-то вроде «инициации» и даже обратного вовлечения в семью.

В этой же связи интересно поразмышлять и об «агентах ответственности», то есть о том, кто наделяет себя правом (или же кому вменяется в обязанность) не просто навещать могилы, но отвечать за них — ухаживать и благоустраивать пространство, принимать некие принципиальные решения по этому поводу и пр.¹ Как правило, эксклюзивное право на «приватизацию» места захоронения имеют самые близкие родственники. Кстати, эта ситуация позволяет реконструировать «близость» или же значимость и статус таких родственников, их вовлеченность в семейные сети и пр. Тем не менее, иногда это право может выходить за пределы семьи и даже быть оспариваемым. Так, коллега рассказывала мне как о курьезе историю с ее знакомой. Будучи вдовой некогда любвеобильного супруга, та делит ответственность за благоустройство могилы своего мужа с его бывшими «дамами сердца»: *«Прихожу — а там уже все без меня покрашено!»*. В данном случае конкуренция и конфликтов за право «обладать» и «распоряжаться» не происходит. Однако такие ситуации вполне возможны, и могила может стать «пространством борьбы» при создании и воспроизводстве семейных и других идентичностей. Мы вместе с подругой оказались в нелепейшей ситуации, когда в День пограничника пришли прибрать могилу ее отца, бывшего пограничника. Как выяснилось, мы несколько опоздали, и на тот момент место уже было «занято» чужими, неизвестными людьми, как позднее выяснилось, бывшими его сослуживцами. Ощущение неловкости было вызвано тем, что одновременно на это место претендовали люди, никак между собой не связанные и, более того, даже незнакомые. При этом «напряжение» появилось, когда кто-то из сослуживцев стал интересоваться у нас, как и кто ухаживает за могилой. В тот момент возникла даже некая «борьба» за право «при-

---

¹ Эти идеи неоднократно обсуждались с Н. Нартовой и, фактически, являются совместными

ватизации» места и контроля над ситуацией. И трудно сказать, кто бы одержал «победу», если бы бывшие пограничники не актуализировали эту свою «пограничную» идентичность лишь один раз в год...

«Смертельная» индустрия

На городском кладбище в контору к начальнику вбегает сторож и кричит:

— Все, баста! Увольняюсь!

— ???

— Хожу по кладбищу и только вижу: «Здесь покоится...», «Здесь нашел отдых от земных трудов...». Один я тут работаю!

Существуют специальные службы, группы профессионалов, которыми мы, стараясь избегать огорчений, делегировали почти все отношения с мертвыми. Ныне любое похоронное агентство предлагает огромный спектр услуг, связанных и с оформлением необходимых документов, и с организацией похорон, и с «украшением» пространства, и с регулярным уходом за могилами, и так далее. Они не просто сопровождают нас в «минуты скорби», но выступают в качестве исключительных посредников или проводников, ибо сейчас уже без таких агентств мы были бы абсолютно беспомощны. При этом ритуальные службы, осознавая свою исключительность, формулируют свои профессиональные задачи как особую миссию, которая связана не только с организацией похорон, но и с «принятием на себя» чужой скорби: «В доме беда — скончался близкий человек. **Превозмогая безмерное страдание, мы вступаем в круг ваших забот**, связанных с проведением похорон <...> Наша единственная задача — помочь вам в трудную минуту жизни, которая не обходит стороной ни один дом» (выделенной мной. — О. Б.) (www.rosritual.ru).

По мнению Маркова, в современном обществе «обряды похорон стали более пышными, что связано с экономикой» (Марков, 1999: 87). Ныне это действительно огромная индустрия, обслуживающая смерть. Профану даже сложно представить себе, как много, оказывается, надо покойному — это и специальная одежда и обувь, и траурная повязка, и саван, и покрывало, и подушечка, и «подложка» под гроб и так далее (www.leonardo-ryazan.ru/rit_per.htm). Безусловно, можно исследовать эту индустрию как определенное профессиональное сообщество: «В начале XXI века похоронная отрасль — это более пяти тысяч производственных предприятий по изготовлению похоронных аксессуаров,

оказанию похоронных услуг. Это около пятидесяти тысяч кладбищ и четырнадцать крематориев» (А. Прозоровский, www.requiem.ru/services). Сообщество это довольно успешно институционализировано. Например, регулярно проводятся профессиональные конкурсы, такие как, скажем, конкурс траурных речей и эпитафий «Слова скорби» или конкурс флористов «Венок памяти»; выпускается множество профессиональных изданий. Полагаю, что надо обладать исключительным чувством юмора и неисчерпаемым оптимизмом, чтобы назвать журнал ритуальных услуг «*Вся жизнь*» или, скажем, «*Смерть в Сибири*».

При этом с ритуальными сервисными службами связано довольно много громких криминальных и экономических скандалов. Согласно многочисленным публикациям, похоронный бизнес — один из самых криминальных и коррумпированных. Однако если проигнорировать само содержание таких инцидентов и сфокусироваться на дискурсе, то окажется, что основной проблемой является упорное нежелание наших соотечественников видеть в похоронном деле сугубо экономическое предприятие, где деньги превалируют над чувствами: «наживаться на чужом горе бесчеловечно!» («*Курьер*», №50, 20—26.12.2001).

Здесь мне хочется порассуждать о той важной роли, которую играет ритуальная индустрия в формировании представлений о смерти. Прежде всего, вопреки общим стратегиям вытеснения и замалчивания смерти, профессионалы в этой сфере, пытаясь продавать свои услуги, вынуждены-таки говорить о ней. Профессиональное сообщество предлагает вполне свой более или менее нейтральный, лишенный мистики и эмоциональной нагруженности язык. Меня удивил интернетовский сайт одного из похоронных агентств, на котором вывешен специальный словарь профессиональных терминов. Безусловно, авторы сайта преследовали вполне определенную цель — научить клиентов понимать профессионалов, однако «мегазадачей» или же непредвиденным следствием может стать распространение этого профессионального языка среди «обывателей» и общая трансформация дискурса (www.art-galateya.ru).

Выступая в качестве экспертов, работники ритуального бизнеса во многом задают образцы и формулируют правила в отношениях живых с мертвыми. Они предлагают не просто памятники, венки или гробы, но формируют представления о том, «что такое хорошо» или «что такое красиво»: «как и во всем деле, в гробах должен присутствовать вкус — торжественно и красиво, достойно и уместно, чтобы соответствовало скорбному моменту» (www.rosritual.ru). Любопытно, что и здесь основной рамкой референций является «Запад» и «Европа»: рекламируя свою продукцию, похоронные фирмы, как и практически

все торговые и сервисные предприятия в нынешней России, обещают именно «европейское качество».

Преследуя цели контролировать вверенную им территорию, работники похоронных сервисных служб четко формулируют правила поведения на кладбище, что, по сути, становится неким правилом взаимоотношения с миром «усопших». Так, нижеследующая цитата, очень похожая на инструкцию, не только предписывает «не сорить», но расширяет и даже переопределяет «пространства скорби и памяти»:

«Навещая могилу, не следует оставлять на ней ничего, кроме цветов, корзиночек и венков. Если памятник светлый, нужно позаботиться, чтобы цветы не касались памятника... Нередко можно увидеть, что на могилы сыплют крупу для птиц, оставляют хлеб, конфеты, считая это доброй традицией. Однако очередной раз придя на кладбище, многие недоумевают, почему на памятнике грязь <...> Вот и стоит подумать, нужно ли кормить птиц на кладбище или это лучше сделать, допустим, у своего дома. Конечно, кладбище — место для поминания умерших, но справедливо и то, что мы вспоминаем о дорогом и близком человеке не только тогда, когда приходим к нему на могилу, а гораздо чаще» (www.rosritual.ru)

Кстати, если бы Хобсбаум еще не написал свою замечательную книгу «Изобретение традиций», то ее вполне можно было бы проиллюстрировать примером изобретения современных российских похоронных традиций, и в качестве «изобретателей» в данном случае выступало бы именно профессиональное сообщество, активно востребующее и использующее категорию «традиция»:

«Поминальная трапеза — это не проводы в последний путь, а единение в кругу близких людей, помнящих и уважающих усопшего <...> Традиций употребления алкоголя близкими умершего на похоронах и поминках никогда не было! Традиционно поили только «далеких» односельчан. И сегодня не следует поддерживать нездоровые ритуалы...» (www.rosritual.ru)

Последние слова...

По-моему, прогулки по кладбищу оказались отнюдь нестрашными и достаточно познавательными. Вообще, представляется,

что кладбища, как, впрочем, любые пространства смерти или «смертельные индустрии», могут выступать в качестве замечательного объекта для исследовательских забав и социологических изысканий. Как в хорошо отполированном зеркале, здесь отражаются практически любые социальные процессы, происходящие в нашем обществе. Так, процессы автономизации «прочитываются» в рекламе фирмы ритуальных услуг «Леонардо», которая предлагает новую услугу — заключение прижизненных договоров на погребение, когда человек, будучи еще живым, «сам выбирает и оплачивает по действующим ценам необходимый комплекс ритуальных услуг и принадлежностей» (www.leonardo-ryazan.ru). Правильно, и не надо доверять столь важное дело родственникам и друзьям! В ответ на увеличение числа миграций и появление феномена транснационализма и транслокальности любая ритуальная контора ныне предложит вам услуги по «транспортировке тела», и, таким образом, если угодно, за вполне вменяемую сумму можно будет всегда «возить с собой» родину. А «невыносимую легкость бытия» (или, точнее, «небытия») и «смерть в стиле лайт» позволяет зафиксировать реклама продукции Новосибирского завода похоронных изделий, предлагающего нам «гроб — полуфабрикат, который представляет собой комплект деталей, собирающихся в пакет, а остальные комплектующие гроба поставляются отдельно. Сборный гроб — запатентованное изделие. Он удобен для перевозки, легко собирается и недорог. По желанию мы включаем в комплект прочие ритуальные принадлежности для проведения похорон» (www/stiks-flora.ru).

Итак, в эпоху номадизма и фланерства, ситуативных идентичностей и слабых социальных сетей и солидарностей, общего «легкого отношения» к жизни, может пора уже преодолеть единственно значимый и все еще сильный комплекс в отношении смерти? Если компания, изготавливающая кукол Барби и весь антураж, сопровождающий ее гламурненькую жизнь, усиленно продвигает идеи толерантности и преодолевает предубеждения, выпуская на рынок «беременную Барби», «Барби-лесбиянку» или «Барби-инвалида» (набор хорош уже сам по себе!), то почему бы ей не выпустить «мертвую Барби» и, соответственно, все необходимое для игры в похороны? В конце концов, через игру возможно преодолеть все наши страхи и комплексы, ибо «замалчивая смерть, мы не ценим ни себя, ни своих ближних» (Марков, 1999: 78). Ну что, кто-нибудь возьмется продвигать эту замечательную идею?!

Литература

Демичев, А. (1995). Русское кладбище в городском ландшафте. В: Санкт-Петербург в мировой и отечественной истории и культуре XX века. Сборник статей. Санкт-Петербург: Международный фонд «Культурная инициатива». Стр. 16-22.

Ионин, Л. (1997) Проблема некросоциологии. В: Свобода в СССР/ Статьи и эссе. Санкт-Петербург: Фонд «Университетская книга». Стр. 361-368.

Канетти, Э. (1997) Масса и власть. Москва.

Марков, Б. (1999) Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. Санкт-Петербург: Алетейя.

Интернет-страницы

(доступ — ноябрь 2005)

www.stiks-flora.ru

www.requiem.ru

www.leonardo-gyazan.ru,

www.pamyatnik.net

www.pohoroni.ru

www.rituall.ru

www.art-galateya.ru

www.rosritual.ru